

Мацнева К.А.**УДК 811.111'246.2(71)(477)****ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В КАНАДЕ – СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ АНГЛО-УКРАИНСКОГО БИЛИНГВИЗМА**

Вопреки процессам ассимиляции и «вымывания культуры», которые Конгресс украинцев Канады (КУК) констатировал в программном документе по вопросам многокультурности в 2003 году [12, 3], число жителей Канады, которые сохраняют украинскую лингвокультурную лояльность все же достаточно велико. Из 33143600 человек – население Канады по состоянию на 2007 год – 1,2 миллиона граждан заявили о том, что имеют Украинские корни [10, 6].

Несмотря на очевидный интерес к украинской диаспоре в Канаде, социолингвистических исследований, посвященных вопросам англо-украинского билингвизма в этой стране, очень немного. Чаще всего быт и культура канадских украинцев рассматриваются через призму этнографии или педагогики. Среди исследований контактной межъязыковой связи украинского и английского языков в Канаде необходимо отметить монографии Ю.А. Жлуктенко [4, 25; 5, 100; 6, 123], Б.М. Ажнюка [1, 302] и С.В. Буджак-Джонс [9, 202]. Эти авторы чаще всего уделяют внимание интерференции англоязычных элементов в украинскую речь, но не наоборот.

Ю.А. Жлуктенко в монографиях «Українсько-англійські міжмовні відносини» и «Українська мова на лінгвістичній карті Канади» рассматривает помимо прочего и ситуацию обратного влияния (проявления украинских языковых элементов в англоязычной речи канадских украинцев). Однако представленный там анализ сжат и ограничивается упоминанием заимствований на лексическом уровне в основном культурного характера (названия ансамблей, предметов быта или национальных блюд). Несмотря на это, о влиянии украинского языка на английский в речи канадской украинской диаспоры, Ю.А. Жлуктенко отмечает, что украинский субстрат, безусловно, влияет на английский язык в рамках украинской национальной группы, а «масштаб и глубина этого воздействия требуют дополнительных исследований» [4, 165].

Таким образом, можно утверждать, что проблема влияния украинского языка на английский в условиях англо-украинского билингвизма части населения Канады долгое время оставалась вне внимания лингвистов и социолингвистов.

Тем временем, языковой сдвиг в канадско-украинском языковом сообществе происходит достаточно быстро. Вопреки усилиям активистов общественных организаций и объединений и внешне благоприятной политике многокультурности, которую декларирует правительство Канады, а также высокому индикатору лингвокультурной лояльности, украинское сообщество в Канаде в условиях ограниченного притока новых украиноязычных иммигрантов с материка медленно переходит от билингвизма функционального к билингвизму этнокультурному [1, 28]. Это означает, что декларируемое знание украинского языка на практике может заключаться во владении ограниченным набором «культурных текстов» (песен, молитв, пословиц). Возможна ситуация, когда украинский язык остается лишь символом, показателем связи с данной культурой, и языковая лояльность здесь объясняется одной из важных функций языка – его использованием в качестве средства «контрастного самосознания». Даже для тех, кто относится к третьему и последующим поколениям иммиграции и уже не говорит по-украински, сам язык служит эмоциональным «связующим звеном между национальностью и ее аутентичностью» [3, 40]. Основным же языком общения все больше становится английский.

А.Д. Петренко в своей статье «Социальная стратификация языка и проблемы социофонетической вариативности» отмечал, что актуальность современных социолингвистических исследований во многом продиктована как развитием общества, так и конкретными социальными условиями, стимулирующими исследование тех или иных областей [7, 44].

Можно с уверенностью заявить, что есть необходимость исследования влияния украинского языка на англоязычную речь канадских украинцев. Существует несколько социальных предпосылок для проведения данного исследования, здесь некоторые из них:

1) Количественный и качественный состав той группы, которая обобщенно называется канадскими украинцами, не статичен. По состоянию на 2006 год (последняя перепись населения в Канаде) более миллиона человек упомянули в ходе переписи об украинских корнях. Смешанные браки приводят к тому, что все больше канадцев украинского происхождения заявляют о наличии нескольких этнических корней. Так, например, в 2006 году 75% украинских канадцев отметили, что имеют и другие этнические корни [12, 10]. Эти данные говорят о нарастающей разнородности группы канадцев украинского происхождения, что предположительно может вести к уменьшающейся роли украинского языка (в ситуации, когда в смешанном браке родители выбирают какому языку обучать детей) и его восприятию исключительно в качестве символа (вышеупомянутый культурный билингвизм). Наряду с этим, многие представители украинской диаспоры в Канаде, происходя из смешанных семей и являясь представителями второго или третьего поколения иммиграции, уделяют большое внимание тому, чтобы их дети знали украинский язык хотя бы на базовом уровне. Это, в частности, объясняет высокую лингвокультурную жизнеспособность украинской диаспоры – «механизм лингвокультурной «канадизации» этнических групп не является таким уж автоматическим и бессознательным» [6, 3.].

При отсутствии постоянного притока иммиграции в диаспору существует больше шансов того, что языковой сдвиг произойдет быстро. Рассмотрев данные о притоке иммигрантов с Украины в Канаду с 1981 по 2007 год можно увидеть, что до обретения Украиной независимости в графе «количество прибывших на постоянное место жительства» нет ни одного человека, тогда как с 1991 года число прибывших возрастает и остается не ниже 2400 человек в год.

Страна рождения	1981	1986	1991	1996	1997	1998	1999	2000	2001	2002	2003	2004	2005	2006	2007
Украина	0	0	28	2668	2651	2766	2837	3575	4015	3967	3219	2975	2920	2488	2688

Подобный приток с материка – 64769 человек в период с 1996 по 2006 годы – не может гарантировать жизнеспособности языка в преимущественно англоязычном окружении и сохранения украинской культурной идентичности в Канаде на неизменно высоком уровне.

Кроме того, меняется суть иммиграции. Нынешняя «четвертая волна» состоит преимущественно из экономических мигрантов или людей, приезжающих в страну по программе «воссоединения семей», и коренным образом отличается от третьей волны иммиграции украинцев, которая была более идеологически сплочена и сумела создать мощные антиассимиляционные структуры, способствуя единству украинского сообщества в Канаде, сберегая язык и культуру и уделяя серьезное внимание сохранению культурной самобытности диаспоры. Нынешняя иммиграция из Украины в Канаду чем-то напоминает первую и вторую волны трудовой иммиграции, когда успешность в стране поселения напрямую зависела от того, насколько быстро сами иммигранты и их дети станут «настоящими канадцами» (неотличимыми от англо-канадцев) под влиянием ассимиляционной политики государства [8, 41]. «Эмоциональная поглощенность национальным наследием, которая характерна для более ранних поколений и которую они частично передали своим детям и внукам – отмечает Б.М. Ажнюк – не характерна для секуляризованных и урбанистически-современных новых иммигрантов. Для них не характерен драматизм прошлого противостояния между желанием достигнуть социального успеха и, одновременно, не утратить своей души» [1, 27].

2) Очевидно, что государства, в которых существует не один язык, стоят перед куда более сложными проблемами, чем одноязычные страны. «Многоязычные государства нуждаются в объединяющей идеи, в общей идентичности. Они могут попытаться создать эту идентичность не на языковой основе (а, к примеру, на основе религии), однако без участия языка это часто бывает проблематично» [3, 40].

В Канаде, начиная с 1971 года, провозглашалась политика многокультурности, девизом которой стало «Unity in Diversity» (единство в многообразии). Безусловно, она более благоприятна для развития культурного наследия меньшинств в сравнении с политикой «плавильного котла», широко популяризуемой в США на протяжении двадцатого века и предусматривающей стирание этнических и религиозных различий для создания единой американской нации. Тем не менее, в последнее время недовольство реализацией политики многокультурности, формально уравнивающей ценность культур и языков, составляющих единую ткань канадского общества, потребовало реакции со стороны правительства. Таким образом, в 1996 году в ходе стратегического пересмотра политики многокультурности в ход ее реализации были внесены определенные изменения, которые, в частности, способствовали ослаблению поддержки «традиционных групп иммиграции» (таких, как немцы, итальянцы, голландцы, украинцы и поляки) и переносили акцент на группы вновь прибывших в страну. Такой пересмотр политики позволяет некоторым исследователям заявлять, что общая тенденция к ассимиляции остается актуальной, а «институциональная дискриминация меньшинств продолжает существовать, хотя и в менее открытой форме, чем раньше» [11, 21].

Б.М. Ажнюк, например, говорит о том, что «представители национальных обществ считают политику многокультурности двуликой, поскольку признавая и пропагандируя поверхностные проявления этничности (например, национальную кухню, праздники, обычаи), она отвлекает внимание от утонченных и, одновременно, сильных форм институционального расизма» [1, 19].

В подобных условиях украинская диаспора в Канаде отреагировала на изменение государственной политики программным заявлением, сделанным 8 ноября 2003 года Конгрессом украинцев Канады (КУК) [12, 4], где среди прочих требований содержался призыв к большей поддержке языка и культуры украинцев Канады. Данный вопрос вызвал живую дискуссию и в появившейся в 2006 году монографии Э. Вудса рассматривается подробно [13, 50].

Проблема реализации политики многокультурности в данном контексте важна постольку, поскольку существует два противоположных мнения, влияющих на языковую ситуацию в рамках канадско-украинского микросоциума: мнение языкового (преимущественно англоязычного) большинства и точка зрения организации, представляющей интересы украинской диаспоры в стране поселения. Выбор в пользу той или иной позиции будет играть решающую роль в сдвиге языкового баланса в паре «английский - украинский» языки. Для рассмотрения проблемы влияния украинского языка на английский в рамках украинской диаспоры этот вопрос приобретает важное значение, поскольку на сегодняшний день все больше канадских украинцев переходят на исключительное использование английского, сохраняя, в лучшем случае, навык бытового общения на украинском языке.

3) Несмотря на пессимистические прогнозы, изложенные в программном документе КУК по вопросам многокультурности, а также изменяющуюся политику в отношении поддержки украинских культурно-языковых институтов, можно предположить, что современная языковая ситуация на Украине положительно повлияет на сохранение украинского языка и культуры в Канаде, усиливая тем самым влияние украинского субстрата на английскую речь канадских украинцев. Украинская диаспора в Канаде долгое время считала своей обязанностью сохранять и развивать родной язык, поскольку на родине он подвергался дискриминации. После политических событий 2004 года, которые нашли широкую поддержку украинской иммиграции, направление языковой политики в Украине изменилось и продолжает активно

реформироваться на данный момент. Многие канадцы украинского происхождения положительно восприняли изменения и, по их собственному признанию, получили еще одну мотивацию для того, чтобы возобновить использование украинского языка или начать обучение своих детей украинскому языку хотя бы в рамках базового им владения.

Не останавливаясь на иных социальных и психологических факторах, влияющих на состояние языковой ситуации в диаспоре, можно сказать, что основными движущими силами, влияющими на скорость языкового сдвига, являются «унаследованное этнолингвистическое сознание, привезенное с исторической родины, и языковая политика в стране поселения» [1, 42]. Учитывая все вышесказанное, на данный момент можно констатировать постепенный переход от функционального англо-украинского билингвизма к культурному, с одной стороны, и определенный всплеск интереса к украинскому языку в связи с современной ситуацией на Украине, с другой.

Многие канадцы украинского происхождения сохранили определенные навыки украинского языка и, согласно мнению Ю.А. Жлуктенко, пользуясь английским языком в своей среде, часто вкрапляют в свою речь лексические украинизмы [5, 155]. Расширив этот тезис, можно предположить, что в неформальной беседе с человеком, владеющим как английским, так и украинским языками, в английской речи канадских украинцев можно будет проследить явления языковой интерференции не только на лексическом [2, 31], но и на фонологическом, морфологическом и даже грамматическом уровнях.

Безусловно, такие особенности английской речи канадцев украинского происхождения будут наблюдаться с большей долей вероятности в непринужденной ситуации общения, в разговоре об Украине или в воспоминаниях о ней (если интервьюируемый – представитель первого поколения иммиграции). Тем не менее, для поддержания или опровержения данного тезиса требуется анализ корпуса данных, собранных и проанализированных в соответствии с принятыми социолингвистическими методиками. Таким образом, при практически полном отсутствии социолингвистических работ по данной тематике, этот вопрос требует внимания исследователей.

Источники и литература:

1. Ажнюк Б. М. Еволюція української мови в діаспорі (етно- і соціолінгвістичні аспекти) : дис. ... докт. філол. наук / Б. М. Ажнюк. – К., 1999. – С. 396.
2. Буджак С. В. Лексическая интерференция в англо-украинском двуязычии Канады / С. В. Буджак. – М., 1987. – С. 48.
3. Вахтин Н. Б. Социолингвистика и социология языка / Н. Б. Вахтин, Е. В. Головкин. – СПб., 2004. – С. 336.
4. Жлуктенко Ю. А. Лингвистические аспекты двуязычия / Ю. А. Жлуктенко. – К. : Вища школа, 1974. – С. 177.
5. Жлуктенко Ю. О. Українсько-англійські міжмовні відносини. Українська мова у США і Канаді / Ю. О. Жлуктенко. – К. : Вид-во Київ. ун-ту, 1964. – С. 167.
6. Жлуктенко Ю. О. Українська мова на лінгвістичній карті Канади / Ю. О. Жлуктенко. – К. : Наук. Думка, 1990. – С. 176.
7. Петренко А. Д. Социальная стратификация языка и проблемы социофонетической вариативности / А. Д. Петренко // Культура народов Причерноморья. – 2001. – № 19. – С. 44-51.
8. Baker C. Foundations of Bilingual Education and Bilingualism / C. Baker. – Clevedon; Philadelphia; Adelaide : Multilingual Matters Ltd, 1995. – P. 266.
9. Budzhak-Jones S. Single-word Incorporations in Ukrainian-English Bilingual Discourse : Little Things Mean a Lot / S. Budzhak-Jones. – Ottawa : University of Ottawa, 1998. – P. 256.
10. Canada's Ethnocultural Mosaic. – Census, 2006.
11. Cummings J. Heritage Languages. The Development and Denial of Canada's Linguistic resources : [Electronic resource] / J. Cummings, M. Danesi. – Montreal, 1990. – P. 133. – Access mode : <http://www12.statcan.ca/english/census06/analysis/ethnicorigin/pdf/97-562-XIE2006001.pdf>
12. UCC Multiculturalism Committee, Canadian Multiculturalism : The Law, the Reality and our Place : [Electronic resource]. – Access mode : <http://www.stscan.ca/english/freepub/91-209-XIE/91-209-XIE2004000.pdf>.
13. Woods E. Multiculturalism and identity in Canada : a Case-study of Ukrainian-Canadians : [Electronic resource] / E. Woods. – Saskatoon : University of Saskatchewan, 2006. – P. 86. – Access mode : http://www.ucc.ca/Section_5/PDF/Canadian_Multiculturalism.pdf